

Сособщение Лаврентия Ивановича Старченко /26 мая 1989 г./
Красноярск, 660013, ул. Львовская 53 кв. 69 /пос. Энергетиков/

Л.И. Старченко родился в 1902 г. в дер. Новокурск, ныне Назаровского р-на Красноярского края. Деревня была основана переселенцами из Курской губ. в 80-х годах прошлого века /отцу Л.И.С. было тогда 9 лет/. В армию Колчака Лаврентия Ивановича не забрали: брали с 18 лет. Лаврентий Иванович служил в Красной армии в 1924-1925 гг. в саперник войсках, в Иркутске, а затем вернулся домой и принимал участие в коллективизации в своей деревне.

В 1930 г. односельчане выбрали его председателем Новокурского сельсовета, это была неоплачиваемая должность, а хлопот доставляла много. Сельсовет входил в Березовский /центр - с. Березовское/ район Западносибирского края. В следующем году район был вынужен в состав Назаровского р-на, а сельсовет - в состав Скрипачинковского сельсовета. Лаврентия Ивановича кооптировали в состав Скрипачинковского сельсовета и выбрали его снова председателем, хотя он был беспартийный. Колхозы оставались отдельными: в Новокурске "Майские дни", в Скрипачах - "Красный Октябрь".

В сентябре /или октябре/ 1932 г. из района привезли нового председателя сельсовета - партийного, а Лаврентия Ивановича сняли, будто бы за злоупотребления или халатность /см. ниже/. В декабре 1932 г. по тем же обвинениям его осудили. Для этого в Скрипачах была устроена выездная сессия Назаровского райсуда. Вместе с Лаврентием Ивановичем судили еще двух колхозников из Скрипачей: полевод Семен Калинин Чмель /р. ок. 1900/ и механизатор Поликарп Михайлович Хорехов /р. 1903/. Всем трем дали по 5 лет по ст. 109 УК, причем весь суд продолжался 15-20 минут. Лаврентию Ивановичу суд вменил такие "преступления": невыполнение плана мобилизации средств и нереализация займа, а также "соучастие к кулакам". Суд проходил в клубе. Осужденных отправляли в ачинскую тюрьму, где они пробыли примерно неделю в камере площадью в 15 кв.м. с двухэтажными нарами. Вначале в камере было 10-12 заключенных, за неделю их число увеличилось примерно до двадцати. Затем все трое в числе прим. 40 человек из разных камер ачинской тюрьмы были отправлены на лесозаготовки на станцию Кемчуг, в 70-80 км. к востоку от Ачинска.

На Кемчуге, в 3 км. от станции, на лесосеке стоял большой барак, была баня, кухня и т.п. Не было никакой охраны. В бараке жили ок. 100 человек, в т.ч. заключенные или семейные украинцы,

2

сильно обмороженные от непривычки к сибирским зимам. На их место поселили новопривывших, а украинцев увезли. Это происходило еще до Нового года.

На Кемчуге было нормальное питание, к заключенным приезжали жены и привезили все, что было нужно. Лаврентий Иванович работал и на вывозе хлыстов с лесосеки на станцию, где в тупике лес грузили на товарняки. Для вывоза предназначались сами с "прицепом", от лесосеки до станции была сделана ледянка. Хорохов грузил лес на сани, а Чмеля за хорошую грамотность взяли работать учетчиком в конторе.

В начале апреля 1933 г. ледянка начала таять, и лесозаготовки прекратились. Заключенных отправили обратно в Ачинск, но теперь посадили не в саму тюрьму, а в двухэтажный казначейный дом напротив тюрьмы /тюрьму было видно из окон/. Здесь в большом помещении на 2-м этаже находилось 150-200 заключенных, очень многие из них сидели по указу "семь-восемь" /от 7 августа 1932 г./ со сроками 3, 5 и даже 10 лет. В этом зале были нары. Заключенных смотрела врачебная комиссия. Было известно, что готовится этап в Бамлаг.

Но Старченко, Чмель и Хорохов в этот этап не попали. Они пробыли в "казначейном доме" около суток, и утром за ними троем пришел конвой с собакой и уполномоченным из Томска, который приехал верхом. Поскольку их повели в сторону станции Ачинск-2, они подумали, что их повезут на юг, но конвой остановился у здания ОШУ. Узников завели в здание, и вскоре они увидели, что из подвала выводят еще троих арестованных: председателя ачинского райпетребсоюза, директора Ачинского леспротреха и еще кого-то из районного начальства /Лаврентий И. Иванович не помнит их фамилий, а помнит только, что пред. РПС и директор ЛПХ были довольно толстые/. Отсюда шестерых заключенных повели на станцию Ачинск-1 и там, в тупике, они увидели отдельно стоящий вагон. У вагона им командовали сесть на землю и опустить головы книзу, открыли вагон и загнали их внутрь.

Это был "стальпинский" вагон, уже битком набитый. В нем Лаврентий Иванович сразу увидел многих знакомых ему людей. Оказалось, что вагон только что пригнали из Назарово /50 км. к югу от Ачинска/, а перед этим заключенные ночевали там в церкви. Все они были арестованы за день-два до этого. Среди них были: председатель колхоза "Майские дни" Кузнецов из Новокурска, председатель колхоза Андрей Григорьевич Миронинков из дер. Карбалык, два брата Чумаковы из Новокурска, которых арестовали дома

3

- Василий Митрофанович /полевод, р. 1903/ и Кирилл Митрофанович /пред. сельпо в Скрипачах, р. 1906/, секретарь назаровского рай. отделения Осевнахима Василий Дмитриевич Годицких /р. 1903/, два брата Цыганковы, колхозники из новокурских "Майских дней", - Тихон Осипович /бригадир тракторного отряда, р. ок. 1905/ и Гаврила Осипович /тракторист, совсем молодой, р. ок. 1915/, ~~колхозник Заков из Скрипачей~~. Этот вагон узники покинули уже в Томске.

В томской тюрьме новопривывшим объявляли, что все они обвиняются по ст. 58 пп. 2, 7, 11. Старченко, Чмель и Херохов удивились и стали объяснять сотрудникам ПТУ, что у них троих приговоры уже есть и что они отбывают срок. Они имели при себе кассационные приговоры, которые тут же и продемонстрировали, но в ответ услышали, что это ничего не меняет. Их отправили в барак рядом с тюрьмой, в одной ограде, в котором было примерно 200 заключенных, нары стояли в 3 этажа. В сутки давали 300 гр. хлеба и баланду. Не разрешалось ни писем, ни передач.

Через несколько дней всех новокурских ночью вызвали из барака, и в фургоне повезли на допросы в томское ПТУ. Там всех развели по кабинетам на 2-м этаже. Лаврентия Ивановича привели к молодому следователю Федорову, который поначалу вел себя довольно любезно, спросил: Курите? и предложил "Беломор" - нате, покурите. Затем он стал расспрашивать Лаврентия Ивановича о его работе в сельсовете и об отношениях с секретарем партийной ячейки. Секретарем была Анисья Петровна Игнатьева. Следователь заявил, что вся партийная организация вела вредительскую работу и вербовку в контрреволюционную организацию, и что Старченко тоже был завербован секретарем /Игнатьевой/, которая уже призналась. Я же пять месяцев сижу! - ответил Лаврентий Иванович. Вы агитировали против колхозов! - заявил следователь. Лаврентий Иванович на это ответил: Как же я мог против колхоза агитировать, если я его первый организатор? Может, и были какие промахи в моей работе, а больше ничего. Следователь говорит: Так вы не агитировали? - а сам тем временем пишет протокол. Потом говорит: Распишитесь! Лаврентий Иванович говорит: Не буду. Следователь: Выйди вон! В коридоре: Стой! Руки по швам! Через некоторое время: Заходите! Подписывайте! Ладно, подпишу, - сказал Лаврентий Иванович и внизу протокола написал, что ни о какой агитации не знает, так как в это время был в заключении. Увидев это, следователь впал в буйство, скомкал протокол, выхватил наган и с размаху ударил им об стол, снова выгнал Лаврентия Ивановича в коридор. Так же выгоняли в коридор и других. От Лаврентия Ивановича следователь так ничего и

не добился. Там, в ИТУ, Лаврентий Иванович имел и совсем неожиданную встречу — с главным свидетелем обвинения на своем процессе в декабре 1932 года, сельхозуполномоченным Назаровского райкома Свиридовым. Только теперь он оказался в роли главного обвиняемого: согласно версии ИТУ, он был главным вербовщиком в контрреволюционную организацию, составлял списки ее членов и раздавал им деньги. Дальнейшая судьба Свиридова неизвестна. После депрессов всех вернули обратно, в тот же барак.

Перед самым 1-м мая из барака ночью увели около 100 заключенных. Среди них были Кузнецов, Мирошников, Чумаковы, Чмель, Голдцкич, а оставшиеся уже не заснули до утра, ожидая, что вот-вот ир придут и за ними. Но этого не случилось, а наутро вернулся один из тех, кого увели — совсем малодой паренек, которого увели вместе с отцом и, как видно, по ошибке. Он не сообщил никаких подробностей, не дал понять, что остальных повели на расстрел.

На 1-е мая по случаю праздника узникам выдали по целых 500 гр. хлеба и кашу. Через несколько дней им объявили, что теперь разрешаются письма, свидания, передачи, и невокурцы сразу же послали домой телеграмму об этом. Вскоре стали приезжать на свидания жены и родственники узников, также и к тем, кого увели перед 1-м мая. О судьбах исчезнувших узников ИТУ молчало, ответ был один — что здесь их нет.

Во 2-й половине мая Лаврентия Ивановича и многих других перевели в пересыльный барак, недалеко от прежнего. Но здесь они провели только сутки, может быть две суток, а потом их вызвали на вахту, обыскали, предъявили приговора закрытой выездной сессии краевого суда /Запсибкрая/ и велели расписаться, что ознакомлены. Все, с кем сидел Лаврентий Иванович, получили по 10 лет /без поражения/, и только младший Цыганков /Гаврила/ — 5 лет. Сразу после этого узников погрузили в состав, и этап пошел на Бамлаг. Только 5-летников, в т.ч. младшего Цыганкова, высадили на ст. Тайга недалеко от Томска. В вагоне с двухэтажными нарами, где был Лаврентий Иванович, с ним было 35 узников.

Этап прибыл на ст. Урульга Карымского р-на Читинской области, где находился штаб 2-го отделения Бамлага /между Читой и Шилкой/. На Бамлаге в это время прекладывалась вторая колея железной дороги, но на строительстве Лаврентий Иванович не попал. Узников, имевших отношение к сельскому хозяйству, забрали во вновь созданный совхоз, или подсобное хозяйство, при 2-м отделении Бамлага. Он находился здесь же, в Урульге, и для работы в нем набрали около 200 узников — сибирских и алтайских крестьян, были также донские казаки.

В их числе были агрономы, пчеловоды, зоотехники. Херехов также оказался здесь, он работал кузнецом.

Подсобное хозяйство мало походило на лагерь, это было ближе к условиям ссылки. Там не было никакой охраны. Сразу после этапа тех, кого набрали в подхоз, послали на сенокос, а потом распределили по участкам, где они жили в бараках, а в контору проходили, когда было нужно. Позднее Лаврентий Иванович работал там на тракторе. Питанье было смешное, были овцы.

Летом 1937 года всю 58-ю статью из подхоза отправили этапом на ст. Зоя /Свободный/, но Херехов в этот момент где-то отсутствовал и в Зою не попал. ~~С тех пор Лаврентий Иванович его не видел, но~~ Известно, что он пребыл в Бамлаге до окончания срока в 1943 г., сразу по освобождению был мобилизован и пошел на фронт.

На ст. Зоя 58-ю статью собрали в отдельный барак /более 200 человек/ в большой зоне, где было много бараков с уголовными. Там заключенные с разных концов Бамлага, многие из них - москвичи и ленинградцы, - пребыли три месяца. Там не было никакой работы, в сутки давали 300 г. хлеба к баланду, а во время ежедневной 15-минутной прогулки - клочок бумаги и щепотку табаку; на прогулке разбавалась мушкет. Потом всех вернули в прежние места заключения. Лаврентий Иванович снова оказался в подсобном хозяйстве в Урульге, где режим оставался прежним, т.е. бесконвойным, а в 1939 г. его перевели в стрелочный лагерь в Шилке. Там он строил железнодорожный вокзал, потом 8-квартирные дома, стал машинистом-плотником.

Весной 1940 г. заключенных-стрелочников отправили этапом на запад, в Коми. В этане было не менее 1000 узников. В Котласе их выгрузили из состава, загнали в трюм баржи и неделю везли по Сев. Двине /или Вычегоде?/. На берег они сами везли узкоколейки, и состав повез их на север-восток. Лаврентий Иванович считает, что везли их неделю, несколько часов, но это могло быть и больше, поскольку этап высадили в районе Чьью, где кончалась нестроенная железная дорога. Откуда через тайгу этап погнало на новый участок, где еще не было ничего, не было и предельствия. Только на 3-й день привезли и выдали по 1 кг. муки. Потом предельствие завезли по реке на больших лодках - шнягах, и по выложенной из бревен дороге его доставляли на латунку. Лаврентия Ивановича начальство назначило бригадиром грузчиков и велело набрать бригаду из 8 заключенных. С этой бригадой он разгружал лодки и доставлял предельствие в лагерь. Позднее его отправили в стрелочную колонию, которая строила станции и поселки на жел. дороге.

6

На строительстве железной дороги лагпункты располагались с интервалом 6-7 км., в каждом было 1000-1500 узников. Колонна, где работал Лаврентий Иванович, построила также на ст. Чевью нефтеперерабатывающий завод для перегонки местной нефти, как раз в тот период, когда часть кавказских нефтепромыслов оказалась за линией фронта.

В апреле 1943 г. у Лаврентия Ивановича закончился срок, и его освободили из заключения. Правда, в свое время в Урульге он получил за хорошую работу сокращение срока /зачет/ на 6 месяцев, но зачеты давно отменили "до освобождения распоряжения", и он отбыл 10 лет до звонка. Официально он не был ссыльным, но до конца войны освобожденным узникам не разрешали уехать домой. Начиная с 1943 г., ссыльных и бывших узников стали брать на фронт. Пришла повестка и Лаврентию Ивановичу, но ему посоветовали остаться работать на Печерской дороге. Вместе с молодым украинцем, тоже недавно выпущенным из лагеря /как звали, он не помнит/, они поехали на станцию Тобыс, на участок, который из ведения НКВД уже перешел к МПС. Там его как бывшего санера и стрелка охотно приняли на 11-ю дистанцию, в ремонтно-местовую группу. Работники железной дороги получали брешь. Одновременно с Лаврентием Ивановичем туда же поступил другой недавний заключенный, Александр Васильевич Баков родом из-под Вологды, р. 1910-1915 г., получивший в 1938 г. от трибунала 5 лет плюс 2 года поражения в правах по обвинению "вредительстве". Он был командиром артиллерийской батареи, служил в Сибири. Во время перехода на тайге конная упряжка с оружием где-то застряла, и ствол оружия потонул. Из этого было сестряпане дело.

В 1946 г. бывшим узникам разрешили ездить в отпуск. Лаврентий Иванович поехал домой, к семье. Ехал он больше недели, и решил не возвращаться, тем более, что председатель колхоза стал его уговаривать остаться в деревне. Из Коми прислали телеграмму, чтобы он возвратился, с обещанием, что не станут судить /за это могли дать 6 месяцев/. Председатель через райком и райисполком выхлопотал акт, что Старченке нужен в колхозе, так он и остался дома.

Примечание. Теперь Невекурск относится к Шарыповскому району.

Записал В.С.Биргер, Красноярское общество "Мемориал".